

¹¹ Смирнова Г. И. Поселение и могильник у с. Долиняны на Буковине // Археологические открытия 1978 года.— М., 1979, с. 403—404.

¹² Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешты — Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА.— 1981.— № 3.— С. 193—208.

¹³ Там же.

¹⁴ Пачкова С. П. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині // Археологія.— 1984.— № 47.— С. 99—101.

¹⁵ Винокур І. С. Історія Лісостепоного Подністров'я та Південного Побужжя. Від кам'яного віку до середньовіччя.— Київ; Одеса, 1985.— С. 55.

¹⁶ Федоров Г. Б. Лукашевський могильник // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 59.

¹⁷ Тимошук Б. А., Винокур І. С. Указ. соч.— С. 76.

¹⁸ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК.— 1953.— Вып. 51.— С. 65—67; Винокур І. С., Ва-

куленко Л. В. Киселевский могильник I—II вв. до н. э. // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 126—132; Смишко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області // МДАПВ.— 1962.— Вып. 4.— С. 54—71; Малеев Ю. М., Піоро І. С. Сарматські поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія.— 1973.— № 12.— С. 73—77.

¹⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге.— М.; Л., 1966.— С. 217.

²⁰ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставшего памятники типа Лукашевка. Древние фракийцы в Северном Причерноморье.— М., 1969.— С. 90—92.

²¹ Винокур І. С., Мегей В. П. Деякі морфологічні особливості пам'яток рубежу і перших століть нової ери на Середньому Дністрі // Тези доповідей V-ї Подільської історико-краєзнавчої конференції.— Кам'янець-Подільський, 1980.— С. 122—123.

Л. В. Вакуленко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ В I—II вв. н. э.

Внимание исследователей давно привлекают памятники раннеримского времени (I—II вв. н. э.), известные на территории верхнего Днестра. Это могильники у сел Верхняя Липица, Звенигород (урочища Загуменки, Гоева гора, Садыба Великача), Болотное и Гринев (рис. 1). К этой же группе относятся богатые погребения в Колоколинне и Чижикове и отдельные захоронения в Лучках и Хотымире. Они представляют собой грунтовые могильники с обрядом трупосожжения в урнах. На двух могильниках у Звенигорода (Загуменки, Гоева гора) и в Болотном открыты также труположения. По обряду труположения совершены и богатые погребения в Колоколинне и Чижикове.

Впервые опубликованные М. Ю. Смишко в начале 30-х годов¹ и дополненные новыми раскопками И. К. Свешникова², Д. Н. Козака³ и В. Н. Цыгылыка⁴ материалы верхнеднестровских могильников до сего времени продолжают вызывать различное истолкование своей культурной принадлежности.

В свое время материалы Верхнелипицкого могильника послужили

М. Ю. Смишко для выделения новой археологической культуры, названной им липицкой. При этом автор отметил выраженный гето-дакийский этнический облик новой культуры⁵. К липицкой культуре им был отнесен и ряд погребений из могильников в Гриневе и Звенигороде⁶. Другая же часть погребений этих могильников была определена им как вандальские, как тогда называли памятники пшеворской культуры⁷. С тех пор могильник у с. Верхняя Липица, бесспорно, является эталонным памятником липицкой культуры.

Что же касается остальных могильников звенигородского круга, то различные авторы определяют их по-разному.

Опубликовав в конце 50-х годов материалы новых раскопок на могильниках у сел Звенигород и Болотное, И. К. Свешников определил их как липицкие, хотя и отметил в некоторых погребениях черты пшеворской культуры, а именно аналогии ряду керамических форм и присутствие оружия в некоторых погребениях⁸.

Т. Домбровская, занимаясь определе-

нием восточной границы пшеворской культуры, все упомянутые памятники, за исключением Гринева, относят к липицкой культуре на основании того, что они находятся за пределами территории распространения пшеворской культуры⁹.

Двойное определение могильников в Звенигороде и Гринева как липицких и пшеворских дано и в своде памятников, подготовленных львовскими археологами, в то время как Болотное, памятник аналогичный Звенигороду, подан только как липицкий¹⁰.

В. Н. Цыгылык в монографии, посвященной липицкой культуре¹¹, могильники в Верхней Липице и Гринева относит к липицкой культуре, а два могильника у Звенигорода (Загуменки, Гоева гора) и могильник у Болотного считает примером взаимных связей липицкого и пшеворского населения, поскольку там есть погребения обеих культур.

По мнению Д. Н. Козака, могильники в Гринева, Звенигороде и погребения в Хотымире и Лучке принадлежат волыно-подольской группе пшеворской культуры¹².

По поводу могильника в Звенигороде (Гоева гора) Д. Н. Козак polemизирует с В. Н. Цыгылыком о числе погребений, которые следует отнести к пшеворским. Так, из 20 открытых здесь погребений В. Н. Цыгылык относит к пшеворской культуре 16, а к липицкой 4¹³. Д. Н. Козак пшеворскими считает только 3 погребения, но в целом присоединяется к мнению В. Н. Цыгылыка, что могильники в Звенигороде являются отражением сосуществования пшеворского и липицкого населения в зоне их непосредственного территориального стыка. При этом он подчеркивает, что Звенигород не является примером их соотношения на всей территории Поднестровья и Побужья¹⁴. В. В. Кропоткин опубликовал погребение № 8 из могильника в Звенигороде (Гоева гора) как пшеворское¹⁵.

Действительно, часть погребений на этих могильниках носит яркий отпечаток дакийского этноса, другая — пшеворской культуры, в третьих наблюдаются черты и того и другого. Очевидно,

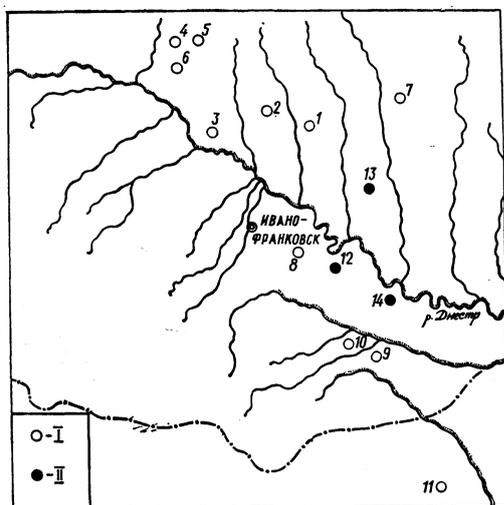

Рис. 1. Карта-схема могильников I—II вв. н. э. в Поднестровье и Прикарпатье: I — могильники липицкой культуры; II — могильники сарматские.

1 — Верхняя Липица; 2 — Болотное; 3 — Колоколин; 4 — Звенигород; 5 — Чижиков; 6 — Гринева; 7 — Лучка; 8 — Хотимир; 9 — Неполоковцы; 10 — Завалье; 11 — Сучава; 12 — Остривец; 13 — Бурякивка; 14 — Киселев

поэтому в археологической литературе в последнее время прочно утвердилось их определение как смешанных липицко-пшеворских памятников типа Звенигорода — Болотное.

Вместе с тем выяснение культурно-этнического содержания этих памятников представляется достаточно важным для исследования общей этнокультурной ситуации в Поднестровье в первые века н. э.

Для решения этого вопроса прежде всего обратимся к их хронологическому соотношению. Следует отметить, что хронология верхнеднестровских могильников опирается на хорошо датирующиеся материалы и детально разработана рядом исследователей (М. Ю. Смишко, Т. Домбровской, А. К. Амброз)¹⁶. Эти разработки положены в основу таблицы хронологического распределения фибул, обнаруженных в погребениях верхнеднестровских могильников, которая была приведена в работе «Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.»¹⁷. Здесь хорошо видно, что могильники в Звенигороде, Болотном, Гринева представ-

ляют собой более ранние памятники, чем могильник в Верхней Липице. Наиболее частой датирующей находкой в первом случае являются бронзовые литые остропрофилированные фибулы типа А-68 по классификации О. Альмгрена, бытующие в ступени В_{1в} раннеримского времени, то есть в 40—70-е годы н. э.¹⁸ Имеются также современные им трубчатые фибулы первого варианта по классификации, предложенной Т. Лианой¹⁹. На этот же период указывают и другие датирующие находки. Тогда же были произведены захоронения в Хотымире, где обнаружены шпоры типа 46 по классификации М. Яна и Чижикове, хорошо датированном бронзовыми римскими сосудами²⁰.

Могильник в Гриневе, судя по находке остропрофилированной фибулы с ажурным приемником типа А-67 — А-68 и др., начал функционировать несколько ранее, между 20—40-и годами I в. н. э.²¹ Еще раньше было совершенно богатое погребение в Колоколинне, датированное сочетанием фибулы А-67 и типа пертомарус²². Однако эти единичные более ранние находки не меняют общую картину.

Итак, хронологические определения показали, что могильники в Звенигороде, Болотном, Гриневе, а также отдельные погребения в Чижикове, Хотымире составляют некую группу памятников, складывающихся в Верхнем Поднестровье в 40—70-е годы н. э., то есть на стадии В₁ раннеримского времени.

Что же касается Верхнелипицкого могильника, то весь пласт датирующих находок, обнаруженных здесь, четко лежит в пределах 70—170-х годов н. э., то есть в последующей стадии В₂. Обнаруженные остропрофилированные фибулы относятся к более поздним вариантам, чем фибулы из погребений Звенигородской группы. Уже II в. датируют погребения вытянутые трубчатые и глазчатая неорнаментированная фибула. Более поздние — эмалевые фибулы, время бытования которых заходит во вторую половину II в. н. э.²³ Интересно отметить, что являющаяся столь частой находкой в погребениях памятников типа Звенигород — Болотное фибула типа А-68 здесь встречается

только в одном экземпляре и представляет собой самую раннюю датирующую находку на могильнике.

Итак, могильники I—II вв., открытые в Верхнем Поднестровье, не одновременны, а представляют собой два разных последовательных хронологических этапа. При этом могильники в Звенигороде, Болотном и др. представляют более ранний (40—70-е годы н. э.), а могильник в Верхней Липице более поздний (70—170-е годы н. э.) этапы. Здесь мы оказываемся перед странным противоречием. С одной стороны, ни о каком смешении липицко-пшеворского населения в некой контактной зоне, как это утверждали Д. Н. Козак и В. Н. Цыгылык²⁴, не может идти речь, поскольку липицкая культура как таковая появляется в то время, когда памятники типа Звенигорода — Болотное заканчивают свое существование. С другой стороны, анализ археологических материалов бесспорно указывает, что последние оставлены смешанным разноэтничным населением. Что же это за население? Какие этнические группы приняли здесь участие?

Как уже отмечалось, один из этих компонентов имеет выразительные черты пшеворской культуры. Другой, долгое время определяемый как липицкий, есть не что иное, как дакийский этнический элемент. Позвольте, возразят нам, разве липицкая культура не является гето-дакийской по своему этническому содержанию? Безусловно, является. Однако дакийский этнос отнюдь не выражается одной липицкой культурой. Дакийские древности хронологически и территориально явление гораздо более масштабное, чем липицкая культура. Итак, памятники типа Звенигород — Болотное оставлены смешанным дакийско-пшеворским населением.

Рассмотрим вопрос о том, каковы природа и содержание этого смешения. Выше мы показали неправомочность наиболее распространенного в науке до последнего времени мнения, что эти памятники являются отражением сосуществования липицкого и пшеворского населения в зоне их непосредственного территориального стыка. Следует рассмотреть и гипотезу М. Б. Шукина,

первым заметившего, что могильники типа Звенигород — Болотное — памятники хронологически более ранние, чем Верхнелипицкий могильник. Исходя из этого, он считает, что они не могут относиться к липицкой культуре, а представляют собой синкретическую культурную группу — симбиоз пшеворских, дакийских и сарматских элементов²⁵. Что касается липицкого населения, то, по его мнению, оно появляется здесь вследствие миграции в конце 80-х годов I в. н. э.

Однако изучение материалов верхнеднепровских могильников убеждает нас в том, что липицкая культура не появляется в готовом виде на территории Верхнего Днестра. Напротив, Верхнее Поднестровье и было областью ее формирования. Исходные этнические группы, послужившие базовыми компонентами при образовании липицкой культуры, появились на Верхнем Днестре в результате встречных миграционных процессов. Когда в первые десятилетия новой эры с юго-востока, из областей Дакии, на эту территорию проникло дакийское население, оно застало здесь чуть более ранее, в конце позднего латена, продвинувшихся сюда с северо-запада пшеворцев. Памятники типа Звенигород — Болотное отражают начавшийся на Верхнем Днестре процесс этнической интеграции пшеворского и дакийского населения, завершением которого и явилось создание липицкой культуры. Поэтому, как памятники периода ее формирования, они могут и должны быть также отнесены к липицкой культуре. Таким образом, материалы могильников I—II вв. н. э. на Верхнем Днестре предоставили нам довольно редкую в археологии возможность выделить археологическую культуру уже в период ее формирования.

Безусловно, когда образование культуры происходит на основе двух разноэтнических групп, то на памятниках периода ее сложения достаточно сильно заметны характерные черты слагаемых культурных компонентов. В нашем случае обе группы обладают глубокими и устойчивыми этническими традициями, что находит археологическое отражение в погребальном обряде, керамике и др.

К тому же имеется возможность при сравнении обратиться к материалам одноэтничных памятников на исходной территории, поскольку и первые, и вторые являются отщепенями больших культурно-этнических массивов. Археологически мы застаем их на Верхнем Днестре уже в тот момент, когда интеграция зашла довольно далеко.

Тем не менее специфические особенности каждой из наших этнических групп дают возможность выделить в археологических материалах черты, присущие только каждой из них. Выразительным примером интеграции является погребение № 15 из могильника в Звенигороде (Гоева гора, 1953). Здесь урна — типичный дакийский гончарный сосуд, покрытый гончарной чашей на высокой ножке (чаша и обычай употреблять ее как крышку урны тоже типично дакийские), стояла на вбитых в землю согнутом мече и наконецнике копья²⁶. Последняя деталь является известным обычаем пшеворской культуры на всех этапах ее бытования²⁷. В других случаях процесс интеграции выражен не так ярко. Например, погребение № 21 из Звенигорода (Гоева гора, 1953) совершено в традициях дакийского погребального обряда²⁸. Урной здесь служил серый гончарный сосуд, прикрытый кусками известняка. Внутри урны вместе с чисто перебранными кальцинированными человеческими костями находились две бронзовые остропрофилированные фибулы и железный нож со следами действия огня. К этому же погребению, очевидно, относился и лепной кубок, помещавшийся на уровне венчика урны. Последняя представляла собой широкогорлый сосуд, часто встречающийся и в погребениях Верхнелипицкого могильника. Дакийские этнографические черты четко выступают в ряде других погребений Звенигорода и Болотного, где урнами служили изготовленные на круге сосуды типичных дакийско-липицких форм. Напротив, погребение № 8 из Звенигорода (Гоева гора, 1955) имеет все черты пшеворского обряда. Урной здесь служил чернолощенный пшеворский сосуд, а в погребении обнаружен ритуально согнутый меч, нако-

вечник копыя, две шпоры, железный нож, ножка бронзовой остропрофилированной фибулы. Однако найденная здесь керамика представляет собой дакийские кружальные и лепные сосуды²⁹. Пшеворский лепной сосуд служил урной в погребении № 3 из Болотного. Урна была прикрыта фрагментом жернового камня и обломками сосудов. Среди последних удалось реставрировать чашу на высокой ножке без нижней части, небольшой лепной сосудик, маленькую чашечку на высоком поддоне и придонную часть большого лепного горшка. Проявлением пшеворских черт погребального обряда следует считать и безурновые захоронения остатков кремации.

Особо следует рассмотреть вопрос о труположениях, которые наряду с трупосожжениями выявлены на могильниках Звенигородской группы. В настоящее время помимо захоронений в Колоколине и Чижикове известно пять труположений в Болотном, одно в Звенигороде — Загуменки и десять в Звенигороде — Гоева гора³⁰. Большое количество труположений в последнем случае позволяет некоторым исследователям высказать мысль о биритуальности памятника. Между тем при внимательном рассмотрении материалов Звенигорода — Гоевой горы возникает сомнение в принадлежности всех этих погребений к раннеримскому периоду. В частности, все погребения, обнаруженные в Болотном и Звенигороде — Загуменки, имеют северную ориентацию. На север ориентировано и захоронение в Чижикове. В Колоколине направление погребения не установлено. В Звенигороде — Гоевой горе северную ориентацию имеет только часть погребений, другая — западную. Итак, погребения с западной ориентацией имеются только на Гоевой горе, где находится и могильник XI—XIII вв. Для погребений последнего, а там открыто их несколько десятков, характерна исключительно западная ориентация, изредка с небольшими отклонениями.

Анализ материалов погребений с труположениями показывает, что только погребения с северной ориентацией сопровождалась выразительным

вещевым инвентарем, позволяющим определить их хронологию и культурную принадлежность. Это погребения № 15 и 17 (Звенигород — Гоева гора, 1954 г.), № 1 (Загуменки), № 1 и 2 (Болотное). Погребения с западной ориентацией, открытые на Гоевой горе и также отнесенные автором раскопок И. К. Свешниковым к липицкой культуре, лишены вещевого материала. Эта черта характерна для раннефеодальных погребений и для кладбища на Гоевой горе. Исключение составляют погребения № 7 (1953 г.) и 6 (1954 г.), для которых в публикации отмечена западная ориентация³¹. Погребение № 7 сопровождалось железной остропрофилированной фибулой и в таком случае, без сомнения, должно было быть отнесено к раннеримскому периоду. При обращении к отчету о раскопках выяснилось, что погребение № 7 имело северо-западную ориентацию, таким образом, его скорее можно отнести к группе с северной ориентацией. Второе из них (№ 6, 1954 г.), ориентированное на запад, судя по обнаруженной в нем ладанке из кожи и бересты на серебряной цепочке и цинковому кольцу, принадлежит кладбищу XI—XIII вв. Таким образом, из погребений с труположениями, открытых на Гоевой горе, к раннеримскому периоду относятся только 5 (№ 7, 10, 13 — 1953 г. и № 15, 17 — 1954 г.). Все они, как и погребение № 1 в Звенигороде — Загуменки, и пять погребений, открытых в Болотном, а также захоронения в Колоколине и Чижикове, имеют северную ориентацию и сопровождалась погребальным инвентарем.

По нашему мнению, наличие погребений с труположениями на памятниках звенигородской группы также является проявлением пшеворского компонента*. Такие погребения, хотя

* Относительно шести погребений с труположениями, которые были открыты на могильнике в Верхней Липице, сказать что-либо определенное не представляется возможным. В пяти из них отсутствовал инвентарь, к тому же в трех случаях неизвестна ориентация. Остальные три ориентированы на восток, запад и юго-запад. В двух последних случаях тела были уложены на бок в скорченном положении. У подбородка одного из них (юго-за-

и составляют небольшой процент на пшеворских могильниках, известны на всей территории распространения культуры³². Как правило, это, как в Звенигороде и Болотном, единичные погребения на могильниках с обрядом трупосожжения или отдельные богатые погребения, как в Колоколинне и Чижикове. По наблюдениям Г. Ф. Никитиной, ориентировка пшеворских погребений бывает самой различной, за исключением западной. Наиболее часто встречаются южная и северная с различными отклонениями. Еще одним аргументом в пользу пшеворского происхождения верхнеднепровских труположений является погребение № 1 в Загуменках.

Одно из двух мужских погребений, среди открытых труположений на трех могильниках, сопровождалось предметами вооружения, что является яркой чертой пшеворского обряда³³. Очевидно, следует отказаться от мнения, что звенигородские труположения есть следствие включения сарматского этнического компонента. Против этого мнения, в частности, говорит сравнение их с погребениями ближайших подгестровских синхронных могильников в Островце (урочища Вертебы и Олеччина), Киселеве и Буряковке³⁴.

Из приведенной таблицы видно, что для всех сарматских погребений характерна юго-восточная, южная или восточная ориентация погребений, а не северная, как в Звенигороде и Болотном. Другие отличия касаются погребального инвентаря, отражающего разные для сарматов и пшеворцев традиции в изготовлении керамики и одежде. Следует отметить, что различия на памятниках типа Звенигород — Болотное касаются главным образом тех категорий археологического материала, которые отражают глубокие и устойчивые этнические традиции, такие как погребальный обряд и керамика. В меньшей степени это касается, например, украшений. Так, бронзовые

падное направление погребения) стоял лепной горшок, рисунок которого в книге не представлен.

остропрофилированные фибулы одинаково распространены в дакийских и пшеворских погребениях.

Итак, интеграция разнородного этнического конгломерата на памятниках звенигородской группы привела к формированию липицкой культуры. Соотношение же традиционных черт пшеворской и дакийской этнокультурных групп в новой липицкой культуре показывает, что ведущую роль при ее формировании играл дакийский этнический компонент. Это хорошо прослеживается на материалах Верхнелипицкого могильника. Здесь налицо характерные черты дакийского погребального обряда. Чисто перебранные от остатков костра кости помещались в урну, в большинстве случаев накрытую. Как крышка чаще всего использовались чаши на высокой ножке, для чего ножка специально отбивалась. В Верхней Липице зафиксирован обычай сжигать покойников в пределах могильника на специально отведенных местах, что характерно для кладбищ дакийских культур. Сопровождающий инвентарь, как правило, не носит следов огня. В качестве урн использовались чаще гончарные сосуды не бытовавшие в раннеримское время в пшеворской среде. Лепная керамика также в большинстве случаев имеет характерные дакийские формы. Обращает внимание, что здесь совершенно отсутствуют погребения с оружием, являющиеся ярким признаком пшеворских могильников и еще бытующие на кладбищах периода сложения культуры типа Звенигорода — Болотного.

Итак, преобладание дакийского этнического компонента, его ведущая роль в процессе формирования липицкой культуры обусловили ее выразительную дакийскую этническую окраску. Этим и объясняется заблуждение исследователей, принимающих устойчивые характерные общедакийские этнические черты, за черты дакийской липицкой культуры. Между тем последняя, относясь к кругу дакийских древностей, тем не менее представляет самостоятельную культуру с присущими только ей характерными чертами. Ее отличает территория, отстоящая далеко на север от

Сарматские погребения

Памятник	Номер погребения	Поло-возрастная принадлежность			Фибула	Зеркало	Нож	Меч и его детали	Бусы	Лепной горшок с открытой горловиной	Прямка	
		м	ж	д								
Липицкая культура	Звенигород — Гоева гора	7	+		+							
		10	+									
		13		+								
		15		+		+	+		+		+	
	17			+	+	+				+		
	Звенигород — Загуменки	7	+				+	+			+	
	Болотное	1		+	+					+		
		2		+	+							
		3				+						
	Чижиков Колоколин		+		+						+	
Сарматы	Островец	Вертеба	1	+								
			2	+		+						
			3	+			+					
			4	+								
			5	+	+							
			6	+	+							
			8	+								
			9	+				+				
			10	+	+							
				Олечина	1	+						
		2	+									
		3	+									
	Буряковка	1		+		+			+			
	Киселев	5	+									
		6	+									
		7	+					+				
		8	+					+				
		9	+	+				+	+			
		10	+					+				

всего дакийского массива. Время ее существования (40-е годы I в. н. э. — третья четверть II в. н. э.) не совпадает с хронологией ни одной из дакийских культур. Наконец, липицкой культуре присущ специфический набор керамических форм, не идентичный в полном наборе: керамики других дакийских культур.

Своеобразием в кругу дакийских

древностей липицкая культура не в последнюю очередь обязана тому, что в ее сложении активное участие принял и пшеворский компонент. Его следы достаточно ясно прослеживаются не только на материалах памятников периода образования липицкой культуры типа Звенигород — Болотное, как было показано выше, но и на материалах могильника в Верхней Липице — па-

Бронзовый сосуд	Шторы	Фрагмент лепной керамики	Фрагмент гончарной керамики	Ориентация погребений							Бисер	Гончарный сосуд	Округлободный лепной горшок с суженным горлом	Лепной кушак	
				С	С-В	С-З	В	Ю	Ю-В	Ю-З					
				+	+										
				+	+										
		++	++	+		++									
++	+			+											
							++			++				++	
							+		+		+			++	+
										++				++	
										+	+			+	
									+	+	+				
															++

мятнике уже сложившейся культуры. При рассмотрении материалов последнего под этим углом зрения мы обратили внимание на ряд погребений, несущих отпечаток сохраненного пшеворского компонента. Это погребение № 18³⁵, где урной служил лепной сосуд, близкий к ребристому, с наибольшим диаметром, расположенным высоко по корпусу, короткой шейкой, прямой

линией плечиков, плоским дном и шершавленной поверхностью. Внутри урны среди кальцинированных костей ребенка находились железный нож, железное кресало, две прямоугольных бляшки от оковки, глиняное прясло, бусина и бронзовое зеркало (рис. 2, 4а, е).

Таким же примером может служить и погребение № 12³⁶, урна которого — лепная глубокая миска — имела загну-

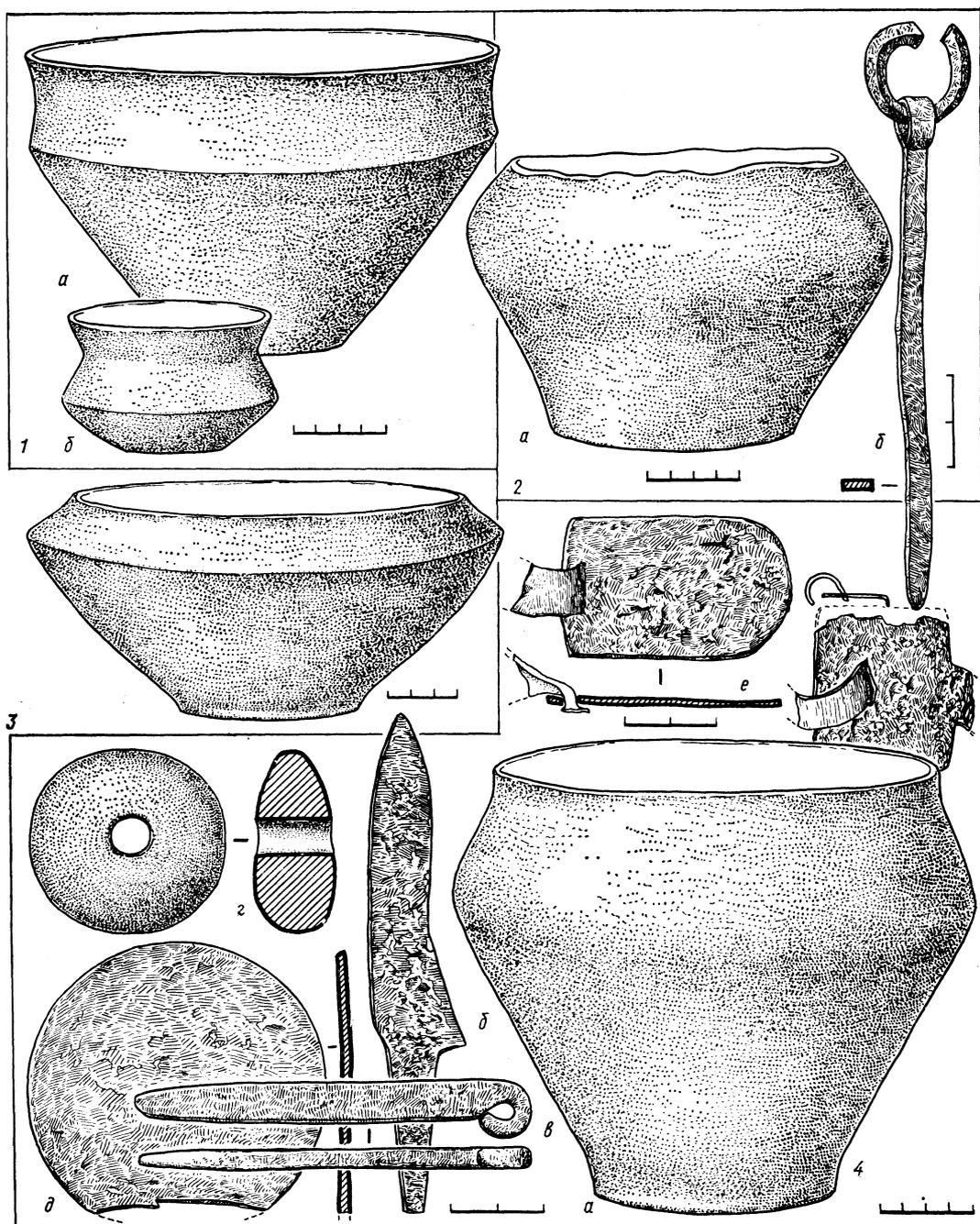

Рис. 2. Погребальные комплексы из могильника у с. Верхняя Липица:

1 — погребение № 31 (а — урна, б — крышка), 2 — погребение № 12, 3—4: а — урна, б — железный нож, в — железное огниво, г — керамическое присло, д — бронзовое зеркало, е — железная оковка

тые внутрь края, высоко поднятое основание плечиков и плоское дно. Внутри среди кальцинированных костей находились железный ключ и нож (рис. 2, 2а, б). В погребении № 31³⁷ урна представляла собой лепную остроредерную миску с вертикально поставленной шейкой и опершавленной поверхностью. Кальцинированные кости, находящиеся внутри, были прикрыты лепной чернолощенной остроредерной мысочкой с низко посаженными плечиками. Среди костей находились три бусины (рис. 2, 1а, б). К этой же категории керамики относятся лепная остроредерная миска с загнутым внутрь краем, заглаженной поверхностью (рис. 2, 3) и биконический сосуд с мягким переломом почти на середине высоты³⁸. Следует отметить и сосуд, служащий урной, в захоронении № 8, орнаментированный косыми насечками по краю венчика и покрытый в верхней части корпуса округлыми углублениями³⁹. Все упомянутые сосуды по форме и орнаментике находят прямые аналогии на памятниках пшеворской культуры⁴⁰.

Интересно, что такая характерная деталь мужских пшеворских погребений, как железные кресала⁴¹, обнаружена в тех погребениях (№ 8 и 18) Верхней Липицы, где урнами служили сосуды пшеворского вида.

Приведенные примеры понадобились здесь для того, чтобы показать, что липицкая культура, являясь продуктом смешения дакийского и пшеворского населения и получив благодаря преобладанию первого дакийскую окраску, вместе с тем сохраняет и следы пшеворского этнокультурного компонента. Более того, пшеворские этнографические черты, пусть в слабой степени, прослеживаемые на липицких памятниках, олицетворяют, по нашему мнению, одну из черт, характеризующих липицкую культуру как таковую.

Настало время сказать и о другой группе липицких могильников, открытых в последние годы довольно далеко от области левобережья Верхнего Днестра и позволяющих представить дальнейшую судьбу липицкого населения. Это памятники в селах Завалье, Ивано-Франковской обл., Неполоковцы, Чер-

новицкой обл. и в г. Сучаве (СРР) (рис. 1). На могильнике в с. Завалье, открытом автором в междуречье Прута и Черемоша, исследовано 14 урновых и 2 ямных погребения. Два разрушенных могильника обнаружены Б. А. Тимощуком и Г. Ф. Никитиной в 10 км к востоку от Завалья, у с. Неполоковцы, где удалось исследовать 3 трупосожжения в урнах и одно трупосожжение⁴². Наконец, самый южный из них — это могильник, открытый при строительных работах в г. Сучава, на ул. А. Ипэтеску. Здесь обнаружены 9 урновых и несколько ямных трупосожжений, а также площадка обгорелого грунта, по всей видимости, представляющая собой место для сожжения покойников⁴³.

Погребальный обряд, прослеженный на этих могильниках, полностью и в деталях совпадает с обрядом Верхнелипицкого могильника. Трупосожжение на стороне, преобладание урновых погребений над ямными, применение как кружальных, так и лепных сосудов в качестве урн, обычай очищения костей от других остатков погребального костра — все это мы наблюдаем, в частности, в материалах наиболее исследованного из этих памятников — могильника в Завалье. Крышками урн здесь в большинстве случаев служили вазы на высокой ножке с отбитой нижней частью. Кружальные сосуды, обнаруженные в погребениях Завалья и Неполоковец и Сучавы, находят прямые аналогии в материалах Верхней Липицы. Чаще всего это широкогорлые биконические сосуды на высоком поддоне с переломом примерно на половине высоты сосуда. Такие изделия служили урнами в Завалье (рис. 3, 1а, 3, 4б), Неполоковцах⁴⁴, Сучаве⁴⁵. Там же находят аналогии одноручные кувшины, вазы на высокой ножке и др.

Следует особо отметить погребения № 7 и 45 в Завалье, где урнами служили лепные глубокие миски с высоко поднятым основанием плечиков и загнутыми внутрь краями (рис. 3, 2а, 3, 4а). Аналогии им имеются на памятниках пшеворской культуры (вспомним приведенные выше примеры материалов Верхнелипицкого могильника)⁴⁶.

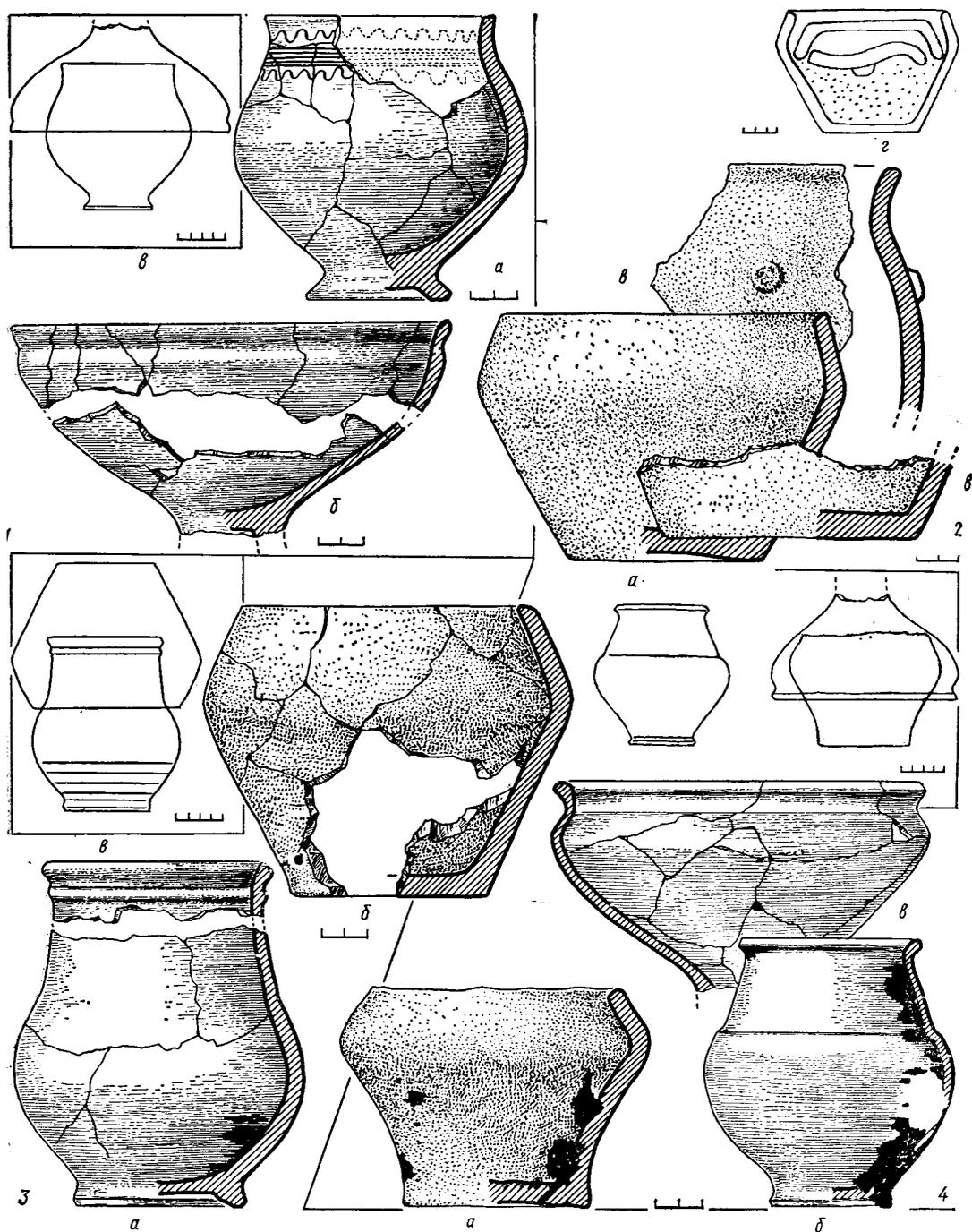

Рис. 3. Погребальные комплексы из могильника у с. Завалье:

1 — погребение № 4 (а — урна, б — крышка, в — схема расположения сосудов в погребении); 2 — погребение № 7 (а — урна, б, в — крышки, г — схема расположения сосудов в погребении); 3 — погребение № 44 (а — урна, б — крышка, в — схема расположения сосудов в погребении); 4 — погребение № 43 (а, б — урны, в — крышка, г — схема расположения сосудов в погребении)

Датирующая находка в виде фрагмента ажурного полого браслета из Неполоковец, находящая аналогии на дакийских памятниках⁴⁷, и другие приметы, наконец, само расположение могильников вне области формирования липицкой культуры, указывают на относительно позднюю дату этих памятников — не ранее второй половины II в. н. э. Материалы днестровских могильников позволяют наметить схему событий, происходящих здесь в это время. Представляется, что в первые десятилетия I в. н. э. с юго-востока на территорию левобережья Верхнего Днестра проникает дакийское население, которое застаёт продвинувшихся сюда несколько ранее с северо-запада пшеворцев. В начале стадии В₁ (40—70-е годы н. э.) мы застаем их в процессе этнической интеграции, о чем свидетельствуют памятники типа Звенигород — Болотное.

К 70-м годам I в. этническая интеграция дакийского и пшеворского населения завершается становлением липицкой культуры. Могильник в Верхней Липице является отражением уже сложившейся липицкой культуры, имеет в целом дакийский облик, однако с включением отдельных пшеворских реминисценций, главным образом в формах керамики, чуждых кругу дакийских древностей и находящих аналогии на пшеворских памятниках.

Поздний этап существования липицкой культуры представляет группа памятников в междуречье Прута и Серета, фиксирующая отход липицкого населения из области Верхнего Днестра на некогда исходную для дакийцев территорию Дакии. Причиной этого движения, очевидно, послужили события Маркоманской войны (166—180 гг. н. э.), в частности новая волна пшеворской миграции, под натиском которой вынуждено было отступить липицкое население.

¹ Smiszko M. Kultury weczesnego okresu epoki cesanstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej.— Lwów, 1932.— S. 26—69.

² Свешников И. К. Могильники липицкой культуры в Львовской области: Раскопки у сел Звенигород и Болотное // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 63—75.

³ Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигороді на Львівщині // Археологія.— 1978.— Вип. 25.— С. 96—108.

⁴ Цыгилык В. Н. Могильник липицкой культуры у с. Болотня на Львовщині // Археологічні дослідження на Україні в 1978—1979 гг.— Днепропетровск, 1980.— С. 140—141.

⁵ Smiszko M. Kultury...— S. 111—177.

⁶ Ibid.— S. 55—65.

⁷ Ibid.— S. 7—13.

⁸ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 63—75.

⁹ Dabrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim // MSW.— 1973.— T. 2.— S. 218—220.

¹⁰ Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині ранньослов'янського і давньоруського періодів.— К., 1982.— С. 10—11, 16.

¹¹ Цыгилык В. Н. Населення Верхнього Подністров'я перших століть н. е.— К., 1975.— С. 70—79.

¹² Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі.— К., 1984.— С. 49—55.

¹³ Цыгилык В. Н. Указ. соч.— С. 153—158.

¹⁴ Козак Д. Н. Указ. соч.— С. 53.

¹⁵ Кропоткин В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская обл.) // КСИА АН СССР.— 1970.— Вып. 140.— С. 51—56.

¹⁶ Smiszko M. Kultury...— S. 174; Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ.— 1966.— Вып. ДІ-30.— С. 29—30, 36—40; Dabrowska T. Wschodnia...— S. 215—217.

¹⁷ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 37.— Рис. 6.

¹⁸ Almgren O. Nordeuropäisches Fibelformen.— Leipzig, 1933; Амброз А. К. Указ. соч.— С. 36—40.

¹⁹ Liana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // WA.— 1970.— T. 35.— Z. 4.— S. 443.

²⁰ Jahn M. Der Reitersporn seine Entstehung und früheste Entwicklung.— Lipsk, 1921.— S. 41—42; Смишко М. Ю. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской обл. // СА.— 1957.— N 1; Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien.— Hamburg, 1951.— Bd 1.— S. 171; Bd 2.— Taf. 11, 124, 125.

²¹ Шукин М. Б. К предистории черняховской культуры: Тринадцать секвенций // АСГЭ.— 1979.— Рис. 4; Dabrowska T. Wschodnia...— S. 215.

²² Smiszko M. Stanowisko wczesnorzymskie w Kolokoline pow. Rohatynski // WA.— 1935.— Tabl. XIII.— S. 155—164.

²³ Амброз А. К. Фибулы...— С. 29—30; Riechhoff-Pauei S. Die Fibeln aus dem Römischen vicus von sulz am Nechar // Bericht des Saalburg Museums XXXIV.— Berlin; New York, 1977.— S. 18.— Abb. 5—103—105.

²⁴ Козак Д. Н. Указ. соч.— С. 53; Цыгилык В. Н. Указ. соч.— С. 153—158.

²⁵ Шукин М. Б. Кельто-Дакийские памятники рубежа н. э. и липицкая культура //

Кельты и кельтские языки.— М., 1974.— С. 20—21.

²⁶ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 66.— Рис. 24.

²⁷ Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.— М., 1974.— С. 5—132.

²⁸ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 66.

²⁹ Кропоткин В. В. Указ. соч.— С. 52—53.

³⁰ Свешников И. К. Указ. соч.— С. 69—72.

³¹ Там же.— С. 70.

³² Никитина Г. Ф. Погребальный обряд...— С. 68.

³³ Там же.— С. 84.

³⁴ Смишко М. Н. Сарматські поховання біля с. Острівцеь Станіславської обл. // МДАПВ.— 1962.— Вып. 4.— С. 54—70; Випокур И. С., Вакуленко Л. В. Киселевский могильник I—II вв. н. э. // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 126—131; Малеев Ю. М., Пиоро И. С. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія.— 1973.— Вып. 13.— С. 73—76.

³⁵ Smiszko M. Kultury...— S. 36.— Tabl. VIII, 5; XII, 21; XIII, 3, 23.

³⁶ Ibid.— S. 33.— Tabl. VIII, 9, XIII, 1.

³⁷ Ibid.— S. 42.— Tabl. XII, 1, 3.

³⁸ Ibid.— S. 46.— Tabl. VIII, 10, 14.

³⁹ Ibid.— S. 30—31.

⁴⁰ Godlowski K. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku.— MSW.— 1983.— T. 4.

⁴¹ Ibid.— S. 95; Kokowski A. Die Feuer stahlwerkzeuge der przeworsk-kultur-Memoires Archeologiques.— Lublin, 1985.— S. 109—125.

⁴² Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф. Памятники первых веков н. э. у с. Неполоковцы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.— М., 1978.— С. 89—94.

⁴³ Foiț G. Cimitrul de incineratie dacie din secolele II—III e. n. de la Suceava // Studii si Materiale istorie Suceava.— Suceava.— 1973.— P. 257—263.

⁴⁴ Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф. Указ. соч.— С. 91.— Рис. 1, 17.

⁴⁵ Foiț G. Cimitrul...— Fig. 1, 3, 4; 2, 1.

⁴⁶ Godlowski K. Materiały...

⁴⁷ Teodor S. Săpăturile de la Cucorani // Archeologia Moldovei.— 1975.— T. 8.— Fig. 46, 7.

С. П. Пачкова

К МЕТОДИКЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КЕРАМИКИ

Керамика как одна из наиболее важных категорий археологических источников постоянно привлекает внимание исследователей. Со времени первых методических разработок В. А. Городцова в конце прошлого века по созданию унифицированной классификации керамики до настоящего времени в археологической литературе неоднократно предлагались различные варианты ее типологий. И это вполне естественно и закономерно, так как на основании анализа глиняной посуды исследователь ставит и решает важнейшие вопросы археологической науки, такие как культурная и хронологическая принадлежность памятников, генетическая связь между отдельными культурами, их специфика, развитие и изменение культур во времени и т. д. Не обойдена вниманием и керамика зарубинецкой культуры.

В литературе уже было опубликовано несколько типологий зарубинецкой посуды¹. Не так давно в печати появилась разработка А. М. Обломского².

Из-за ограниченного объема статьи не будем останавливаться на схемах Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболя и Е. В. Максимова (им дана краткая, но в сущности правильная оценка в работе А. М. Обломского)³. Обратим внимание на методику А. М. Обломского. Положительными в ней являются требования, предъявляемые к классификации: 1) «типология должна быть построена на основе однозначных признаков»; 2) «методом исследования должен быть анализ суммы керамических традиций в максимально доступном их объеме»; 3) «классификация целых форм должна предоставлять возможность для сравнения их с фрагментами»⁴.

Классификация А. М. Обломского носит частный характер. Уже в названии оговаривается, что она разработана для керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Введение в систему кодирования, например для вариантов мисок, буквенных обозначений от «а» до «х» как бы исключает возможность введения новых со-